

РЕЦЕНЗИЯ / BOOK REVIEW

Д.А. Романов
D.A. Romanov

СЛОВО КАК ПРОЕКЦИЯ МЫСЛИ (В.К. ХАРЧЕНКО «СЛОВО И МЫСЛЬ: НА ОДИН ШАГ ВПЕРЕД». – М.: ИНФРА-М, 2024. – 219 с. СЕРИЯ «НАУЧНАЯ МЫСЛЬ»)

THE WORD AS A PROJECTION OF THOUGHT (V.K. KHARCHENKO "WORD AND THOUGHT: ONE STEP FORWARD." – MOSCOW: INFRA-M, 2024. – 219 P. THE SERIES "SCIENTIFIC THOUGHT")

Гносеология XXI века включает тематическую спецификацию научного знания. К настоящему времени уже выявлены общие законы познавательной деятельности человека, и сегодня целесообразно и продуктивно анализировать познание в различных профессиональных областях. Новая книга В.К. Харченко посвящена оригинальному авторскому осмыслению различных аспектов познавательной деятельности в филологии. Этой книгой профессор Харченко продолжает цикл своих работ, отражающих неисследованные вопросы филологической теории и практики, возможности нетривиальных подходов к уже сложившимся научным направлениям и, казалось бы, успешно освоенным, «прозрачным» материалам филологического изучения. Автор избирает особый ракурс рассмотрения и оценки, на первый взгляд, хорошо знакомых вещей, привычных и даже ставших обыденными в филологической области, что связано преимущественно с вниманием к тем впечатлениям, которые эти объекты производят на самого автора и ее коллег. Действительно, наука – занятие во многом личностное, предполагающее индивидуальные предпочтения не только в выборе тематики и ограничении круга рассматриваемых вопросов, но и в моделировании методологии исследования, которая всегда складывается из набора частных методов и методик, образующих в трудах каждого ученого неповторимый синтез. Разумеется, филология в этом отношении – наиболее благоприятная сфера проявления индивидуального, но и в других науках такое индивидуальное несколько не исключается. Правда, почему-то ни наука в целом (в гносеологическом, философском плане), ни отдельные исследователи (в рамках осмысления конкретных объектов изучения) не любят в этом признаваться ни себе самим, ни другим.

В.К. Харченко почти всеми своими работами последних лет старается нарушить сложившиеся традиции. При этом она несколько не эпатирует читающую публику, а даже наоборот, излагает свои необычные взгляды интеллигентно, мягко и привлекательно. Рассматриваемую книгу можно назвать книгой научных впечатлений в филологии, хотя посвящена она, как заявляет сам автор, «нетрадиционным формам мышления», а также «проникновению в механизмы мышления через слово». Эту книгу вряд ли имеет смысл читать подряд, хотя, безусловно, общая логика, достаточно стройная композиция у нее есть. Но, видимо, гораздо более полезным будет прочтение этой книги по отдельным главам

(причем не обязательно с начала), поскольку мозаичность нашего мышления во многом предполагает построение целостной картины именно с той точки, которая избрана каждым из нас индивидуально. Хотим сразу оговориться, что те аспекты, которые выделили в книге мы (для себя!) и о которых будем говорить далее, могут совсем не совпадать с выбором других читателей этой книги. И в этом – одно из важных ее достоинств. Научный поиск в филологии, по мнению В.К. Харченко, как раз и заключается в попытке индивидуального подхода даже к привычным явлениям, к их отбору и последовательности. И если этот подход окажется действительно заинтересованным, то он не может быть проторенным путем, а всегда собственной дорогой ученого, который найдет в исследуемых объектах нечто новое, до того не открытое.

В целом В.К. Харченко излагает довольно стройную гносеологическую концепцию – вполне материальную по своей сущности и доступную для любого пытливого человека. Но в отдельных случаях автор «прорывается» в иррациональное, что также знакомо любому серьезному исследователю. Так, В.К. Харченко пишет о способности слова «заглядывать в будущее». В первую очередь она имеет в виду литературное творчество, которое действительно зачастую помогает прозреть грядущее. Примером того служат многие литературные произведения, где предсказаны явления будущего. В.К. Харченко, в частности, говорит о произведениях В. Хлебникова и «Гиперboloиде инженера Гарина» А.Н. Толстого. Однако на самом деле прорыв в будущее связан не только с творческим использованием слова, но и с его научным исследованием. Открытие таких направлений, как диалектология, этнолингвистика, паремиология и др., в свое время было связано как раз с исследованием именно слова (но в каких-то новых его гранях).

Есть еще одно иррациональное явление, о которой убедительно говорит В.К. Харченко в своей монографии, – это интуиция. Интуиция не может «соткаться из воздуха». Она приходит к ученому только в том случае, если он длительно и кропотливо занимается чем-либо. И хотя в завершении подобных настойчивых исследований могут не проявиться определенные результаты, могут не сойтись концы с концами, но все равно сам контекст исследования поможет ученому прозреть нечто, до того не ведомое. На наш взгляд, чрезвычайно ценной в гносеологическом плане и в связи с тем, о чем мы говорили выше, является глава «Непонятное, но...». В.К. Харченко справедливо обращает внимание на то, что любая константность в науке всегда ведет к однобокости и узости кругозора. Автор приводит интересные наблюдения над «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в сравнении с современными толковыми словарями и показывает, что способностью к «выживаемости» в языке обладают те компоненты (лексемы), которые тяготеют к многозначности, причем полисемия эта должна превышать два значения. Действительно, как лексическая константность (однозначность), так и константность исследовательской точки зрения – явления чрезвычайно непродуктивные. Конечно, нельзя отрицать их присутствия, но они не дают науке двигаться вперед. Любое нарушение константности, любое сомнение – обязательный залог научного поиска.

Первая глава книги В.К. Харченко называется «Управление рисками – вчера и сегодня». На наш взгляд, далеко не случайно автор помещает эту главу в самое начало. Творческое направление в науке всегда сопряжено с определенными рисками: рисками отторжения непривычного, рисками возможных ошибок, рисками выбора адекватных методов и т.д. Но без этих рисков не существует настоящей науки. Достоинство анализируемой книги состоит в том, что в ней представлен огромный эмпирический материал. Она богата примерами как сугубо лингвистического плана, так и историко-филологического характера. Действительно, вопрос о том, как работали твои предшественники, важен для любого ученого, поскольку может служить примером выбора оптимального исследовательского пути. Даже самые истоженные научные дороги обязательно имеют «глуховатые ответвления», по которым есть возможность идти вперед. В частности, ономастика, которая прекрасно исследована и с точки зрения номенклатурной, и с точки зрения этимологической, достаточно интересно представляется автором в главе

«Сохранить имя» посредством семейных родословных, меморатов, данных регионоведения и т.д. Автор постоянно подчеркивает, что новая мысль не обязательно сопрягается с новой темой. Она может саму тему словно бы «переворачивать», выявляя временами прямо противоположные смыслы у привычных для филологии вещей. Можно не во всех трактовках соглашаться с автором, какие-то из этих трактовок могут быть читателю не близки, однако безусловная заслуга В.К. Харченко состоит в том, что она способна осветить привычное в филологии совершенно по-иному. Например, в седьмой главе достаточно интересно представлен культурный контекст стихотворения А.А. Блока «Скифы» и романа Ф.М. Достоевского «Бесы».

Вместе с тем автор обращает внимание на возможность открытия новых тем в филологии, что бывает нечасто. Например, в главе «Новый жанр?» В.К. Харченко с увлечением рассказывает о стихофразах А.Р. Поповой. В целом соединение различных отраслей знания в едином научном поиске активно приветствуется В.К. Харченко. Для исследования по гносеологии XXI века это, видимо, особенно важно. В одних случаях автор говорит о так называемой интердискурсивности, в других – о подключении иного регистра научного осмысления. Будучи известным в стране специалистом по лингвосенсорике, В.К. Харченко приводит интересные примеры привлечения к филологическим исследованиям, например, живописи и анализирует образ в том числе с привлечением разнообразных сенсорных каналов: аудиальных, визуальных, ольфакторных и др.

Автор интересно и разносторонне изучает, например, вопросы гендера в филологии и оригинально трактует социолингвистические проблемы поколений в исследовательском поле. В главе «Прислушаемся» В.К. Харченко предлагает своеобразные трактовки уже устоявшихся в филологии взглядов на взаимоотношения «отцов» и «детей» в известном романе И.С. Тургенева и обращает наше внимание на возрастной контекст картины Валентина Серова «Девочка с персиками» и авторской позиции в романе А. Фадеева «Разгром». По поводу последнего следует отметить отсутствие какого бы то ни было негативного или презрительно-высокомерного мотива. Книга В.К. Харченко в целом очень интеллигентна и представляет собой воплощение авторского «приятия» мира. Мелиоративная оценочность словно бы разлита по всей книге. Автор, безусловно, подтверждает своей работой одну из высказанных им ранее концепций – концепцию языкового позитива.

Научная деятельность представляет собой постоянный и неустанный труд, который изначально вовсе не предполагает положительного или весомого результата. И вместе с тем результатов бы не было, если бы ученые не внедрялись в поле своей деятельности столько серьезно, ответственно и самозабвенно. В.К. Харченко всегда была сторонницей сопряжения филологического исследования с этикой. Высокие этические принципы должны проявляться в отношении к потенциальному читателю, в отношении к исследуемому объекту, но закономерно и нравственно серьезное отношение исследователя к самому себе. В главе «Соединение лозунга, метафоры, нарратива» В.К. Харченко цитирует весьма примечательные слова академика Н.П. Бехтерева: «Человек должен нести ответственность за неделанное». Разумеется, великие открытия даются гениям, но гений пропадет без повседневного кропотливого труда. Неслучайно В.К. Харченко вспоминает замечательный фильм Ильи Авербаха «Монолог», в котором академик Сретенский рассуждает об «ученых, пробивающих стены» и «ученых, десятилетиями разбирающих осколки». Разумеется, результат важен для любой науки, – и для филологии тоже. Но на примере того же академика Сретенского мы должны, по мнению В.К. Харченко, осознать, что в научных работах могут быть так называемые «спящие красавицы», то есть второстепенные и проходные, на первый взгляд, идеи, которые спустя определенное время станут востребованными и приобретут совершенно иное качество. В.К. Харченко приводит в этом отношении много оригинальных примеров не только филологического, но и общенаучного значения. В главах «Переоценка личностей» и «Переоценка слов» эти примеры подобраны и

проанализированы филигранно, что свидетельствует о высочайшем уровне научной культуры автора.

В.К. Харченко касается подчас вопросов достаточно сложных и таких, о которых не принято говорить в полный голос. Глава «Шоковая терапия» посвящена «запретным» филологическим темам. Не будем касаться их в рецензии, а любому интересующемуся читателю посоветуем обратиться к первоисточнику. Отметим лишь, что этой главе, как и всей книге, свойственна деликатность изложения. Сама В.К. Харченко на протяжении развития композиции своего исследования не раз доказывает способность к так приветствуемому ею альтернативному мышлению. Она с неподдельным увлечением поддерживает идею о связи комиксов с изобразительной культурой Средневековья или развивает идею о целебном одиночестве (в одноименной главе своей книги).

Для ученого весьма важно осознание собственного масштаба на фоне коллег и предшественников. Это вопрос чрезвычайно тонкий и редко поднимаемый, но вместе с тем очень важный. В главе, носящей символическое название «Пушкин и Вяземский», В.К. Харченко размышляет о том, как большие таланты пушкинской эпохи чувствовали себя на фоне «солнца русской поэзии». Несмотря на многие сложности подобного самоощущения, это не должно быть препятствием к ведению своей темы. Тихих голосов в науке не бывает. Бывают голоса самостоятельные, оригинальные, привлекающие других, а бывают – не имеющие собственного звучания, а потому неинтересные и в итоге бесполезные. В.К. Харченко очень много цитирует собственные отзывы на книги других исследователей, диссертации, авторефераты. У каждого из своих адресатов она находит тот самый индивидуальный научный голос, который и является основным признаком состоятельности ученого. Список литературы к ее монографии весьма внушителен, и в нем не только общепризнанные авторитеты (которые, заметим, представлены автором почти всегда в некоем новом ракурсе), но и совершенно новые имена молодых, только входящих в науку исследователей. И в этом отношении рецензируемая книга пропагандирует и популяризирует филологию, открывает широкому читателю ее самые современные страницы.

Особых положительных слов заслуживают главы монографии, посвященные юмору и смеху в научной деятельности. В.К. Харченко называет юмор «учебником мышления», а умение посмеяться над собой, иронию и самоиронию закономерно сопрягает со смелостью исследователя. Действительно, только состоявшиеся в науке люди, уверенные в правильности выбранного пути способны поглядеть на себя ироничным взглядом. К сожалению, в современном научном мире этого катастрофически не хватает. В главе «Смех и сложность мышления» В.К. Харченко приводит множество интересных извлечений из научных диалогов, протоколов заседаний диссертационных советов, записей личных встреч и т.д., в которых различные приемы комического иллюстрируют глубину и пластичность человеческого мышления. Это одна из тех глав книги, которые вполне самодостаточны и могут читаться и перечитываться заново просто для удовольствия, для формирования вкуса к хорошему и точному слову. А подобный вкус, органично присущий самой В.К. Харченко, должен, по ее мнению, быть выработан у каждого исследователя.

Проблемы лингвистического вкуса сопряжены с задачами обретения собственного исследовательского стиля. Известное изречение «Человек есть стиль» вполне применимо и к ученому-филологу. Каждый крупный и по-настоящему самобытный исследователь обладает таким стилем и вполне узнаваем по нему. Так, невозможно спутать статью Д.С. Лихачева и В.В. Виноградова, даже если они посвящены одной и той же проблеме – проблеме авторства, которой они оба интересовались. Яркими стилистическими чертами отличается научная речь В.В. Колесова, Р.М. Фрумкиной, О.Н. Трубачева и многих других. Автор рецензируемой книги возвращает нас к традиционным ценностям филологической науки, к числу которых, безусловно, принадлежит и самобытный стиль.

Завершается книга главой с весьма показательным названием «Чувство счастья и задача филологов». Эта глава представляет собой своеобразное обобщение размышлений

автора, утверждающего, что кропотливый научный труд обязательно дает сладкий плод если не результата, то процесса творческой самоотдачи. В этом отношении книга В.К. Харченко является не только источником новых, во многом альтернативных представлений об особенностях филологического познания, но и отправной точкой для реализации исследовательского потенциала молодых ученых, которые могут использовать эту книгу как своеобразную путеводную нить. Дидактическая (в лучшем понимании этого определения) направленность, оптимистичность и открытость финала монографии позволяют предположить, что это не последняя книга увлеченного своим делом большого ученого В.К. Харченко, берущего на себя непростую миссию представления филологии XXI века в гносеологическом аспекте.